

ЯН ВАН ПРАТ

МАРА ИЗ
СЫКТЫВКАРА

Ян Ван Прат

Мара из Сыктывкара

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70496755

SelfPub; 2024

Аннотация

– Меня зовут Марат. Я – инженер-электроник. Не тот рыжий робот, который с белковым близнецом про крылатые качели пел, а который по электронике, проводке, кабелям и другой высокотехнологичной начинке межпланетных ЛА.– Слишком заумно. Ещё раз.– Меня зовут Марат, но никто из инопланетян в ближнем секторе рукава Ориона не способен выговорить эту долбаную глухую «Т». Только земляне обладают таким развитым речевым аппаратом, что наизобретали языков. За три тысячи перевалило, на весь разумный космос хватит. Зла не хватает.– Без ругани. Ещё раз.– Меня зовут Марат. Проксианцы предлагали звать – Марей, звучало как у русалки в Московском зоопарке. Юпитерианцы упрощали до Мырмыр (где только родители его откопали. Говорили какой-то известный чувак с картины в чугунной ванне). Альфианцы, чуть на Мрыха не перешли. Так что Мара ещё нормально. Всем привет, я – Мара из Сыктывкара.– Теперь непонятна цель твоего монолога. Побольше экспрессии. Ещё раз.– Я Мара из Сыктывкара. Помогите! Меня похитили!

Ян Ван Прат

Мара из Сыктывкара

«Бура вѳтась да эн кѳтась» – «Хороших снов и не обосаться», на коми-пермяцком.

Это был последний корабль, на котором Марат работал инженером-электроником. Слово «последний» его не смущало ни разу, во-первых, он не лѳтчик, во-вторых, и без него коверкателей русского языка было до Юпитера и обратно, в-третьих, инженер-электроник очень на это надеялся. Денег он накопил достаточно, чтобы вернуться домой и помочь своим. Оставалось отпахать астрономический месяц до окончания контракта и найти рейс до Земли. Скорее всего получится сначала до Москвы. Напрямую в Сыктывкар летали редко, хотя космопорт там был. Построили к юбилею республики, будь он неладен. Из-за этого космопорта...

– Мар-р-р-а, Мар-р-ра, идь с-сюда, почини вѳсь здѳсь, – прошелестел начальник-центаврианец и поплыл, словно в сгущёном воздухе, к грузовым отсекам, призывно размахивая кислородными плавниками. Сквозь полупрозрачные стенки кожи просвечивали сосуды и капилляры с разноцветной, явно флюоресцентной жидкостью. Было чертовски интересно кровь это, лимфа, моча или какой-то иной вид центаврианского физиологического раствора. Не самые лучшие

мысли для техника, который ксено-биологию проходил в начальной школе.

Марат, как главный и единственный технический специалист на этом богом забытом транспортнике, покорно проследовал за ним. С профессией ему повезло. Физик-ядерщик по образованию, он мог спокойно работать и техником, и программистом, и электроником, в космосе этого добра хватало. На космодромах подобных специалистов с руками отрывали, особенно инопланетные команды. У землян идеальная хватательная система в конструкции, встроенные пальцы с оптимальным расположением, способные как на тонкие действия, так и на силовые, чувствительная поверхность тела – причём как к текстуре, так и к температуре, и даже к статическому электричеству. Вон, кто-то там давным-давно блоху подковал. А мог бы коммутационный узел корабля ВЛК-17 перебрать наощупь. Тьфу. Планета технарей, блин.

В своё время Марат успел закончить Сыктывкарский технологический университет, когда ещё там факультет электроники и робототехники был; а вот недавно слухи донесли, что декана переманили в какой-то инопланетный ВУЗ на космическую зарплату. Как построили в Сыктывкаре космопорт, так и зачастили туда внеземные цивилизации, принялись местных специалистов высасывать. Инопланетяне туда явно не коми-пермяцкий прилетали учить, а исключительно за мозгами. Болтали, что иногда инженеров просто похищали и продавали в техническое рабство на пиратские кораб-

ли, но Марат не верил. Более надёжного рабовладельческого механизма чем деньги пока не придумали. Сам повёлся на их манящий металлический блеск. Вот и их декан факультета стал очередной жертвой..

«Любимый Виталий Евгеньевич, на кого ж ты нас покинул», – вздыхали ежегодно одногруппники на виртуальной встрече выпускников и запивали чайным грибом, любимым напитком любимого же преподавателя. И ведь не лукавили ни разу, и, правда, любимый. Научил их, непутёвых лентяев, как собрать из металлических обрезков, стальной стружки, проволоки и небольшой фантазии одноразовый пистолет, как рассчитать на коленке количество взрывчатого вещества для направленного сноса бетонной конструкции, и другим штукам, которыми только и можно было заинтересовать сибирских раздолбаев. На виртуальной пьянке все только и вспоминали, как декан мастерски обрисовывал перспективы (иногда с коми-пермяцким матом), а затем брал в руки мел со словами: *«А ещё у нас есть вот такая формула...»*, и все благоговейно затихали. Нет, дело было совсем не в дисциплине.

Марат и сам с нетерпением ждал каждой практики, потому что Виталий Евгеньевич сначала всех долго гонял по теории, примерам, ждал, когда все соберут лабораторку по методичкам, и только под конец, до которого доживали лишь самые сильные, хитро ухмылялся, доставал грудку деталей и махал рукой: *«Айда, сейчас что покажу!»*

Ну и мотивировать умел как не знай кто. Они как-то стояли с мальчишками в коридоре и шушукались, о том, что Витька из параллельной группы обещал их побить после лекций, думали, как сбежать, сдатьсь, спрятаться, в крайнем случае липовый гипс нацепить, как тут из-за спины раздался недовольный голос: *“Иванов, хорош очковать! Ну-ка быстро пошёл и всех порвал! Устрой им там Сталинград!”* Марат до сих пор вспоминал эту фразу, когда сомневался в своих силах, а потом шёл и “всех рвал”.

Транспортник как раз пролетал двести пятнадцатый сектор, они только что загрузились на Блуке, той планете, куда переманили декана, вот его и пробило на ностальгию. Говорили, местные одержимы идеей создать собственную систему образования не хуже, чем на Земле, чтобы следующее поколение блучан смогло, наконец, переломить дурную репутацию сектора. Соседство с Узмом, планетой, напоминающей изгрызенный кусок сыра, настолько она была источена шахтами и выработками, их совершенно не радовало. Как всем известно: где рудники – там и заключённые, криминал, бандитизм, уголовщина, потому даже в космопорт Блука можно было попасть лишь по пропуску, и получать груз следовало из-за решётки со шлюзом безопасности.

– Что там опять?

Они остановились у входа в грузовой отсек, центаврианец взмахнул плавниками и покрылся сиреневыми пятнами, что на межгалактическом означало *«догадайся, мол, сама»*.

Техник втянул ноздрями и тут же понял проблему: – Опять фреон потёк?

Судя по накладной, они везли какие-то быстропортящиеся центаврианские деликатесы почему-то с Узма на Сириус и, естественно, весь ангар был заставлен холодильными установками, так что выяснить, где именно проблема – это надо будет постараться.

– Опясь пос-с-с-ёк, – печально согласился начальник и растянулся в выжидательный шар. На техников тут молились, как на богов. Особенно землян, потому почти во всех командах хоть кто-то да учил русский. Чтобы переводить сподручнее. Но вот произношение... – Починись?

– Осматривать всё нужно? Или ты знаешь, где конкретно вытек? – памятуя о предыдущих перевозках, Марат решил подстраховаться. А то скажут, что везём рысь на Энцелад, а там двадцать котят с Брастака, занесённых в Галактическую Красную книгу. Или вместо двух тонн сахарного песка взрывчатка с Шешинеру, которой влажность противопоказана. Техник тогда поседел на треть головы сразу. Больше не хотелось. А от котят остался шрам на подбородке. Тьфу, кто бы знал, насколько опасная профессия – инженер.

– Где? – переспросил начальник, провоцируя землянина на нехорошую рифму.

– Какой именно холодильник сломался?

– Фсё, – обвёл тот ангар печальным плавником и тут же всосал его в пожелтевшее нутро.

Ох уж эти динамичные центаврианские связки. Глотка у них тоже другой конструкции, пока Марат привыкал к этим коверканьям, три раза починил панель визуализации, два раза вакуумный туалет и разобрал к чертям собачьим шифровальный центаврианский аппарат. Связист потом очень долго, но непонятно ругался на центаврианском. В итоге же оказалось, что чинить надо было телескопический трап. Прыгать на взлётную полосу с высоты космовыхода никому не нравилось.

– Всё? Ну, спасибо, начальник. Тогда на утреннюю смену не буди. Это мне тут всю ночь ковыряться.

– Ковырайс-ся. Бура вётась да эн кётась, – выдал центаврианец и отчалил к себе.

Марат хихикнул. По началу он сам так прощался с коллегами каждый вечер, но то ли произношение коми-пермяцкой «Т» оказалось проще, то ли эмоциональный посыл понравился, теперь так с ним прощались вообще все на корабле. Знал бы кто, что это значит, ей-богу, обоссался бы от смеха.

* * *

Пол в ангаре был залит непонятной склизкой жижей, Марат сразу запустил робота-уборщика и полез проверять источник. Огромный холодильник, напоминающий раздувшийся изнутри шкаф, он открывал с особой осторожностью. И было из-за чего. Капитан-центаврианец законопослушностью не отличался, не брезгуя левыми заказами, полу-контрабандой и нелегальными перевозками. Так что о какой-то

части груза его, честного инженера, могли просто-напросто не предупредить. Нет, потом бы все, конечно, в грустных цветах коричневого раскаяния оправдывались перед ним, охали, ахали, но оторванную конечность не пришьёшь, это тебе не центаврианские ложноручки.

Техник встал сбоку и аккуратно потянул дверь на себя. На пол шлёпнулся предмет, похожий на слоёный, дрожжевой блин. Затем ещё один. И ещё.

– Ого! – вырвалось у Марата. Такого он точно не ожидал.

Уже без опаски он заглянул в гигантский морозильный шкаф: печально распластавшись по всем поверхностям, как расплавившиеся часы с какой-то знаменитой картины, тут и там лежали грустные светло-сизо-коричневые «блинчики». Из недр несло уксусом, раствор явно передержали. Странные пятна на полу, напоминающие постепенно высыхающие следы резиновых сапог вели куда-то вглубь отсека, видимо часть сырья успела укатиться туда. Марат с грустью представил, как будет шариться под холодильниками, пытаясь что-то отыскать, валяться на грязном полу, и постыдно спихнул задачу на робота-уборщика.

– Приём, приём, – позвонил техник по внутренней связи. – Сходите в камбуз, там, на продуктовом складе соберите все пустые трёхлитровки, которые найдёте, и отправьте сюда на погрузчике. Да, и мешок сахара. Да, это срочно!

– Ах, вы мои маленькие, – хмыкал Марат, раскладывая несчастных обитателей по банкам, посыпая сахаром, пред-

вкушая, как через несколько дней будет пить чай с ними. – Настрадались-то как. Что ж за идиот недоразвитый вас так упаковал. Сейчас я вас покормлю.

Из-за чего потёк фреон он так и не нашёл, но раскуроченный испаритель с трубопроводом починил, на прощание гордо окинув взглядом работу. Хорошо сделанное дело, даже такое простенькое, всегда радовало и поднимало настроение. Даже если ты зверски вымотался, извозился во всём чем можно и не ел с Блука.

Холодильники смотрели на него разноцветными боками и покрывались инеем. Починенная система охлаждения должна была скоро взять своё. Разобравшись с колонией чайных грибов, рассовав их по банкам и отправив к себе в каюту, он ещё раз осмотрел помещение. Отчего-то ему казалось, что на этом складе должно быть как-то попросторнее.

Любопытство кошку сгубило и теперь, похоже, взялось за Марата. Он прошёлся вглубь, упёрся в фальшивую стенку и ахнул. Маскировочный мираж создавал видимость заполненного склада, но на деле прятал дальнюю половину ангара от чужих глаз с пассажирскими капсулами. Вопросы – «а когда это руководство успело установить такое, и почему он не в курсе» – стоило оставить на потом. Техник шагнул сквозь гало-пелену и оказался около капсул. Одна из них была со спящими внутри пассажиром, настолько толстым, что казалось ещё чуть-чуть и стеклянная оболочка лопнет, а вторая – пустая. Кто-то распахнул дверцу изнутри, с мясом вывер-

нув из пазов, от выхода тянулась влажная цепочка следов. Кажется, несчастные чайные грибы пострадали именно из-за этого.

– Общая тревога! – объявил он по громкой связи. – У нас пропал один... пассажир.

* * *

– Ма-р-р-ра, ну Мар-р-ра, ну не шурши, – пенял ему начальник. А может отчитывал. По их центаврианской цветосхеме не поймёшь, то ли это оттенок пыльной розы, то ли бедра испуганной нимфы, что в корне меняло эмоциональный посыл. – Ну решили мы перевесси. Он осень, осень проссил.

– Конечно, он очень просил. И ещё наверно очень заплатил. Преступник, небось, какой-нибудь с Узма. Надеюсь, не разыскиваемый? – ругался техник.

Говорили, что обитатели Узма и их криминальная элита, частенько устраивают набеги на соседей, угоняют то ли в рабство, то ли просто съедают за недостатком собственного продовольствия, но раздавить этот гадюшник в зародыше, объединившись всем цивилизованным космосом никто не планировал. Родий, рутений и рений в таких количествах на земле не валяются, а при нападении на их источник, всякое может произойти. Так и жили: Узм торговал из-под полы, прикрываясь блучанами, а центраврианцы, альфианцы и другие -цы надёжно закрывали на это глаза. Электроника сама себя не соберёт. Родий, рутений и рений сами себя не

добудут. Плели, что даже инженеров похищают и продают на Узм, Марат всегда ежился на таких историях и очень аккуратно вёл себя в двести пятнадцатом секторе, из корабля не выходил. Мало ли.

Предчувствие говорило Марату, что эти проблемы будут покруче, чем брастакские котики или шешинерская взрывчатка.

– Не прессупник, не прессупник... Просо беглец. С Блука.

– От чего беглец? Сбежал с каменоломен? Не отсидел свой срок до конца?

– Ма-р-р-ра, ну Мар-р-ра, он хороший человек.

Человеческая «хорошесть» у центаврианцев измерялась деньгами, причём «человек» тоже мог быть весьма далёким от гуманоидов. Просто понравился и всё. Ну, подумаешь, что при известии о внеплановом пробуждении капитан схватился за бластер, а его начальник стал серым в крапинку. Явный признак центаврианского стресса.

– Они! Там две капсулы, – подлил им стресса в огонь Марат, но эффект вышел обратным.

– Второй же не сбеж-жал, – утешительно пожелтел начальник и буркнул в рацию. Судя по цвету, охрана уже бежала, роняя тапки, в грузовой отсек, охранять второго проходимца от побега.

– Кстати, а тот холодильник с потёкшим фреоном, он же тоже с Блука? Что с ним не так?

– Он безопасный, он на Сириус. До воссребования, – успокоил его центаврианец.

– Ладно. Одной проблемой меньше. Так где нам теперь его искать? Этого хорошего человека? – Марат, и правда, успокоился. Система Сириуса, с помешанными на законах и правилах обитателями, была идеальным пунктом назначения. Если ничего по пути не случится, то сириусяне сами преступников и переловят. Марат даже прикинул, что мог бы втихаря сообщить куда надо, потому что не гоже так подставлять команду, да и контракт со дня на день заканчивался.

– Ребят, мы уже прилетели? – из коридора, пошатываясь и тяжело дыша, вышел седой мужчина в пиджаке, белой рубашке и галстуке. – Еле вас нашёл, такие длинные коридоры.

– О! А ось и он, наш пассажир, – заискрился поддельной радостью центаврианец.

– Виталий Евгеньевич, – не веря собственным глазам прошептал Марат и кинулся обниматься с мужчиной. – Какими судьбами? Вы же на Блуке преподавать должны?

* * *

– Ма-р-ра, принеси нам ещё чаю, – шелестел начальник, переливаясь сизым стрессом. Это была уже пятая трёхлитровка с чайным грибом, которую они опустошили.

Они расположились за столиком в кают-компании, где бывший преподаватель поведал, что его нагрели с контрактом, вместо Блука заманили на Узм, и ему пришлось копить

деньги на подкуп охраны и проводника, чтобы в конце концов сбежать из этого ада. Сплетни про Узм и похищения оказались чудовищно правдивыми.

С одной стороны, Марат был рад, что Виталий Евгеньевич так легко отделался. Побывать на Узме и вернуться со всеми пальцами и в здравом уме, звучало фантастически. С другой стороны, такое везение настораживало, но ещё сильнее настораживало поведение команды. Истерящий цветосхемами начальник и сидящие рядом, как по стойке смирно, грузчик с капитаном. Грибы ещё эти. Виталий Евгеньевич их любил, конечно, но...

По какой-то нелепой инструкции чайные грибы сгрузили не в его каюте, а прямо возле входа в камбуз, и теперь механический повар настойчиво подливал всем толком не настоявшегося «чая». То ли решили, что это какая-то сыктывкарская традиция, то ли он считался деликатесом, хотя инженер не мог представить, чтоб где-то кроме Сыктывкара традиция выращивать грибы в трёхлитровках могла прижиться. Самое удивительное, даже Виталий Евгеньевич, уж на что прямолинейный любитель крепкого словца, если что не по нём, и то молча глотал эту жиденькую водичку с сахаром. Плавающие в ней частицы не до конца отмытых грибов не добавляли привлекательности. Марат, привыкший за столько лет в космосе к разным чудачествам, просто подносил ко рту чашку, но не отхлёбывал, слушал, кивал, сочувствовал и ставил её обратно.

Сорокавосьмичасовая смена давно подошла к концу, Марат уже откровенно зевал, размышлять над странностями не хотелось.

– Ладно, Виталий Евгеньевич, спасибо вам. Капитан о вас позаботится. Я тут полночи проработал, спать пойду, – и поднялся из-за стола, направляясь к каютам. За спиной воцарилась напряжённая тишина, от дальнего выхода донеслись шаги.

– Ребята, мы уже прилетели? – из коридора, навстречу инженеру, пошатываясь и тяжело дыша, вышел седой мужчина в пиджаке, белой рубашке и галстуке. – Еле вас нашёл, такие длинные коридоры.

– Виталий Евгеньевич? – без прежнего энтузиазма выдал Марат и обернулся на второго такого же преподавателя за столом...

Вся команда словно окаменела, первый Виталий Евгеньевич некрасиво дёрнул лицом, словно стаскивая неудобный костюм, по коже пробежала рябь, и через мгновение там стоял высокий, тощий гуманоид, с крючковатым носом, серыми жиденькими волосами, напоминающий мышь, и держал в руках кинетический бластер.

– Крыс с планеты Крокрыс! – взвыл начальник, засветившись красным, в свой самый последний миг виртуозно выговорив глухую «Т», и разлетелся брызгами водянистой суспензии во все стороны. По иронии судьбы, в тот момент они стали красного цвета, именно того кровавого оттенка, в ко-

торый он перекрасился во внезапном прозрении. Стены камбуза покрылись потёками, как в японских фильмах ужасов, даже с потолка тягуче капала самая большая клякса. Капитан и грузчик были залиты красным с ног до головы и лишь белки глаз сюрреалистично выделялись в этой кашнице.

Запахло сладковатым алюминием, желудок подкатился к горлу. Марат сделал шаг назад и попытался оттереть кровь со щеки, он вдруг вспомнил сводки новостей и раздел «их разыскивает галактика»: Крыс с планеты Крокрыс – один из самых жестоких и отмороженных пиратов во всём изведанном космосе. Неудивительно, что Узм показался ему тихим местечком: это при встрече с Крысом следовало замереть и молиться. Даже обитателям Узма, независимо от цвета штанов.

Марат икнул и споткнулся. Крыс ткнул бластером уже в его сторону, но первым дёрнулся коллега с Ганимеда.

– Угадали! – по-крысиному оскалился пират и нажал на курок.

Следующим разлетелся цветными брызгами грузчик. Поверх красного стены заляпало зелёным и коричневым. Струйки и кляксы инопланетной крови выглядели бредом супрематиста, как сказали бы Марату его родители-искусствоведы. Ганимедцы были менее эфемерны, но более примитивны, за что центаврианцы охотно брали их на низкооплачиваемые должности. Ну и, как выяснилось, аннигилировались они с куда бóльшим эффектом. Запахло курицей с

луком. Желудок выписал новый кульбит, инженер еле сдержался, чтоб не добавить к картине ароматов.

– Никому не двигаться. Всем оставаться на своих местах, – наставил Крыс бластер на капитана-центаврианца, от ужаса тот стал каким-то невменяемо бесцветным, выпустил ложноножки, имитируя поднятые руки. – Летим на Проксиму!

«Мирная нация хитрожопых торговцев нарвалась на заказ не по зубам», – печально размышлял Марат с поднятыми руками, пока капитан торопливо менял настройки рейса и просчитывал новый маршрут. Они все вместе стояли в рубке управления под прицелом бластера.

Настоящий Виталий Евгеньевич топтался рядом и тяжело дышал.

– Вас тоже вместо Блука заманили на Узм, и вам пришлось копить деньги на подкуп охраны и проводника? – устало поинтересовался инженер у преподавателя.

– Во-первых, не заманили, а выкрали, во-вторых, я сам сбежал.

– Как? – поддержал беседу Марат, глаза нещадно слипались, хотелось, чтоб уже настала какая-то определённая, поесть, поспать, а лучше домой. Возвращение на родину, похоже, откладывалось на неизвестный срок. Если на Проксиме, известном пиратском притоне, их не убьют, то уж точно используют для своих нужд либо продадут куда-нибудь в рабство. Сбывался его самый страшный кошмар. Инженеры

с Земли ценились на вес золота, теперь Марат думал об этом без прежнего энтузиазма.

– Собрал примитивный телепортатор с близким радиусом действия, – пожал плечами бывший декан.

– А точку? Точку назначения вы как вычислили? Это ж, можно вписаться на полном ходу в стену и встрять в астероид на молекулярном уровне.

– Я вас чему учил, а? Что за хрень ты несёшь? Два тебе, Иванов. Безопасность – первый столп схемотехники. Я сделал плавающую точку назначения из жидкого кадмия и скормил её грибам. Потом отправил их посылкой до востребования и телепортнулся в ваш холодильник, пока он далеко не уехал.

– Так это из-за вас у нас фреон потёк? То есть, это вы получается из холодильника вылезли. Ничего себе, а я думал, мне следы почудились, – сон слетел с инженера, как рукой сняли, он продолжал крутить эту неожиданную идею, – гениально. Грибы же мягкие и пружинистые, отлично работают на сжатие, вы ничем не рисковали приземляясь туда.

– Эй, вы там! Молчать, – Крыс ткнул бластером в сторону инженера и указал на пульт. – Эй, ты! Ты же местный? Отключи анабиоз, разбуди вторую капсулу.

Марат покорно шагнул ближе, выбрал экран и потянулся к поясу. Нужно было вставить ключ в разъём и снять блокировку.

– Эй, ты! Денди рукожопый, куда ты шестигранником в

тюльпан тыкаешь? – по-учительски пугающе заорал в спину Виталий Евгеньевич, Марат вздрогнул, обернулся и успел увидеть, как на отвлёкшегося, опешившего Крыса, как лев, бросается его пожилой преподаватель.

Ловким пинком выбил бластер, съездил в уже не ухмыляющуюся морду кулаком, раскровил её о бортик пульта, а затем вдарил коленом между ног. Но, кажется, там у крокрысцев не было ничего чувствительного.

Дальнейшее смешалось в оружий, катающийся по полу клубок, капитан тупо уставился на них, пассивно выжидая, кто победит.

«Трусливая нация», – выругался про себя Марат, шагнул вперёд и поднял бластер.

– Стоять! Руки вверх! – рявкнул он, с благодарностью вспоминая армейскую подготовку.

Вышло отлично. Дерущийся ком распался на... на двух Виталиев Евгеньевичей, оба с одинаковыми фингалами под правым глазом смотрели на него и играли бровями.

– Мара, это же я, – первым не выдержал правый, туда Марат и пальнул. Крупные ошмётки фиолетового оттенка красиво усеяли рубку, пульт, кресла, капитана и настоящего Виталия Евгеньевича. После всего пережитого интересная анатомия крокрысцев уже не так впечатляла желудок инженера.

– Меня зовут Марат, идиот! – рявкнул Марат. – Бура вьтась...

– ...да эн кьтась, – правильно закончил Виталий Евгенье-

вич. – Молодец, Марат, так держать. А теперь успокойся и дай мне эту опасную штучку, пока ты кого-то ещё не пришиб. Ага. Вот так. Пальчик отсюда убираем. Умница, хороший мальчик.

– Ма-р-р-ра, не надо, – залепетал позеленевший капитан.

– Да он свой. Это не какой-то там пират. Он меня в универе учил, – разозлился инженер на такое недоверие к любимому Виталию Евгеньевичу.

– И похоже так ничему и не научил. Эх, Марат, Марат, – раздалось из-за спины. Щёлкнул предохранитель, бластер, загудел набирая заряд. – Руки вверх! Всем оставаться на своих местах! Кто рыпнется, тому вышибу кишки, а то маловато тут ошметков. Отстаём от камбуза. Это похищение! Маршрут меняется. Летим в Сыктывкар!

* * *

Настроив маршрут и выдохнув, капитан опустился на пол и тут же пошёл полосами. Центаврианская цветосхема сообщила, что его тошнит.

– Это потому, что вы чайному грибу настояться не дали и кадмия напилась. Надо было его денька на три оставить, он бы всё переработал как надо. Но ничего, ничего, потошнит до Сыктывкара, а там мы вас в баньке попарим, – утешил капитана Марат.